

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

© 2005 Р.Д. Сетаров

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Проблема номинации — весьма многосторонняя, она занимала умы лингвистов различного профиля. Разработка этой проблемы берет свое начало с античности. В решении проблемы “предмет — понятие — слово” философы древности стояли на достаточно противоречивых позициях. Одни между звеньями этой цепочки видели непроницаемую стену. Один из первых софистов и раторов Горгий доказывал, что ничего не существует, а если бы и существовало, то не могло бы быть познано человеком, а если бы было познано, то это свое познание человек не мог бы передать другим [1, 148]. Другие в основном отождествляли предмет и мысль о нем. Древнегреческий философ Парменид писал: “Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит” [1, 31]. Споры о природе названия возрождаются и в средние века, достаточно вспомнить реалистов (лат. *res* — “вещь”) и номиналистов (лат. *nomen* — “имя”). Первые (например, Ансельм, епископ Кентерберийский, 1033–1109 гг.) полагали, что понятие о вещи предшествует самой вещи, ибо вещи явились воплощением этих общих идей — универсалий. Вторые (яркий представитель — французский философ П. Абеляр, 1079–1142) считали, что реально существуют только отдельные вещи и понятия о них, которые выражаются в именах, а общих понятий, стоящих над конкретными вещами, нет. Слова — это лишь пустые имена.

Уже в не столь отдаленные времена А. А. Потебня, изучавший взаимоотношение языка и мышления, полагал, что слово предшествует понятию, потому что понятие формируется в словосочетаниях, в суждениях, в которые входит данное слово как субъект [7, 130–131]. Длительное время господствовало мнение, что слово и понятие, то есть материальная и идеальная стороны слова, возникают одновременно. Типичным в этом отношении является высказывание Л. О. Резникова: “Неверно, конечно, что понятие предшествует

слову, что оно существует до слова и находит в слове только внешнюю форму своего выражения. Но столь же ложно утверждать, что слово предшествует понятию, что оно создает понятие, образует его, творит его” [8, 8]. Однако далее Л. О. Резников практически опровергает это утверждение: “Для обозначения каждого нового понятия обычно используется так или иначе какое-либо прежнее слово”. Но выбор определенного слова для обозначения нового понятия не случаен. Он определяется закономерной связью между новым понятием и прежним значением слова. Эта связь, как показал Потебня, покоится на том, что в содержании прежнего понятия (прежнего значения слова) и нового понятия имеется общий признак — *tertium comparationis* [3, 37]. Из сказанного видно, что источник образования понятия лежит не в языковой сфере, что понятие возникает до появления слова.

Важной проблемой описания семантики слова является выявление и описание его внутренней формы. Внутренняя форма делает язык более выразительным, живым и сочным. Внутренняя форма вместе со слогофонемной структурой и с грамматическим строем — это главное, что придает национальный колорит языку. Студента, обучающегося без отрыва от производства, русские называют *за-очн-иком*, немцы — *Fernstudent* (подчеркивается расстояние, отделяющее студента от вуза). Для слова *водолаз* поляки и немцы выбрали образ *ныряльщика* (*nurek* — польское, *Taucher, Froschmann* — нем.). Чаще всего живая образность помогает запоминанию слов-знаков: *плащ-палатка*; *Butterblume* (нем.) — *одуванчик*, *spaseman* (англ.) — *космонавт*, *beisetzen* (нем.) — *похоронить* и т.д.

Анализ ботанической номенклатуры в русском языке и ее сравнение с другими языками позволил нам прийти к заключению, что во внутренней форме лексических единиц нет ничего случайного, произвольного. Наши на-

блюдения совпадают с выводами Э. В. Севортяна: “Всякое наименование в своем начале всегда строится согласно способам отбора признаков, выработавшихся в данном языковом коллективе, многие из которых являются типологическими, принятыми и в других языковых семьях”.

Соединение звукового комплекса, составляющего слово, с обобщенным мыслительным образом предмета, получающим имя, есть номинация этого предмета. Таким образом, лексическая объективация существующего в сознании человека понятия и номинация предмета или явления окружающей действительности – есть две стороны одного и того же процесса. Термин *номинация* (лат. *nominatio* – “наименование”), как и многие другие лингвистические термины, многозначен: в динамическом аспекте он обозначает процесс наименования, в статическом – результат этого процесса, имя, номинант (слово или словосочетание). Под номинацией понимают также номинативную функцию слова.

Метафорическая номинация – это создание наименования на основе какого-либо сходства по форме, цвету, величине и т.п. обозначаемой реалии с уже поименованной. “Каждое слово было когда-то метафорой, односторонне-образно выражавшей ту сторону или свойство объекта, которая казалась наиболее характерной, показательной для его жизнестности” [4, 355]. Таким образом, метафора с точки зрения ономазиологии – это использование одного слова вместо другого, принадлежащего иной лексико-семантической парадигме, но обладающего с первым словом общей дифференциальной или коннотативной семьей.

Более ста лет назад Август Шлейхер поставил задачу установления общих законов развития языка. Нельзя не согласиться с его утверждением, что “...звуковые образы представлений, полученных мыслительным органом посредством чувств и понятий, образованных в этом органе, у различных людей различны, но, по-видимому, в основном одинаковы, а у людей, живущих в одинаковых условиях, тождественны... В основном одинаковые и живущие в одних условиях люди изменяют свой язык тождественным образом” [11, 96]. Идея общего, типичного в языках, само положение о том, что наряду с исключительным своеобразием и неповторимой идиоматичностью различных языков существуют какие-то общие типологические линии их развития, общие особенности в их структуре, присутствуют во многих трудах по языкознанию, начиная с В. Гумбольдта. Однако следует помнить, что сходство в язы-

ках может быть результатом разных причин: общности происхождения этих языков, заимствования или калькирования семантической словообразовательной модели одним языком из другого языка, случайного совпадения и, наконец, результатом независимого развития по сходным законам, то есть результатом самостоятельной реализации в разных языках одинаковых языковых тенденций.

Исследования последнего времени выявили большое количество языковых универсалий, то есть языковых явлений, свойственных всем языкам мира или, по крайней мере, их большинству. В языке, как и в природе вообще, существует внутренний порядок, доступный нашему сознанию. Однако, чтобы основательно и глубоко познать какую-либо вещь, необходимо сравнить ее с многими другими вещами той же природы.

Оценка человеком животных и растений проявляется не только в их номинации, но и в переносном употреблении этих названий. Представляет интерес в этом отношении явление фитоморфизма, т.е. использование названий растений для обозначения других объектов и среди них характеристики человека. Возможность такого переноса на человека объясняется, с одной стороны, сложившимися представлениями у человека о растении или животном, а с другой стороны – особенностью мышления древнего человека, склонного к антропоморфизму. Таким образом, фитоморфизм тесно связан с другим, противоположным явлением, антропоморфизмом – перенесением присущих человеку психических свойств на явления природы или животных. Фитоморфизм и антропоморфизм – это две стороны одной медали: обозначая человека фитонимом, мы тем самым оцениваем это растение, приписывая ему те или иные человеческие качества.

Данные разных языков показывают, что фитоморфизмы характеризуются существенным единообразием или, во всяком случае, пересекаются. Это свидетельствует не только об исторической общности культур разных народов или об их взаимодействии, но и об общности человеческой природы и психических законов, о связи языка с действительностью. Фитоморфизм расширяет смысловую структуру слова, т.к. он, как и метафора в целом, основан на дополнительных представлениях и смысловых ассоциациях слова, входящих в эту структуру составным компонентом. Эмоциональную окраску, дополнительные представления и смысловые ассоциации слова Г. Пауль называет “компонентами представлений” [6, 102], Н. Г. Комлев – “коннотациями” [5, 105], Ю. Д. Апресян – “семан-

тическими ассоциациями или коннотациями” [2, 67], И. В. Арнольд — “эмоциональными, экспрессивными и оценочными коннотациями” [3, 26], Д. Н. Шмелев — “экспрессивно-стилистическим фоном” [10, 128].

Образы, т.е. представления, которые вызывают растения и животные у разных народов, часто совпадают. Например, черепаха символизирует медлительность, заяц — быстроту, торопливость, трусость, роза — красоту и наличие шипов, лиса ассоциируется с хитростью, лестью, обманом, волк — с жадностью, злобой, береза, сосна — со стройностью, изяществом фигуры (женской), репей (репейник) — с чем-то назойливым, от чего очень трудно отделаться. Этим объясняется общность или близость устойчивых выражений, использующих названия животных и растений для сравнения по одному и тому же признаку: русск. *стоять, как пень* ‘стоять, как истукан, неподвижно, бессмысленно, безучастно, ничего не понимая’ — польск. *stać jak pień* ‘стоять, как пень, истукан’; нем. *wie ein Klotz (da)stehen* ‘стоять как пень (колода, чурбан)’; турец. *kütük gibi durmak* ‘стоять как пень’; слепой как крот — фр. *aveugle comme une taupe*; трудолюбивый как муравей — фр. *industrielle comme une fourmi*. Однако между системой ассоциаций и коннотаций, которая связана у народа с представлением о данном растении, и фитоморфизмом, метафорическим употреблением названия растения, нет полного тождества. Фитоним *малина* употребляется в русском языке в значении чего-то сказочного, очень приятного. С таким же значением поговорка *не жизнь, а малина*. У этого термина есть другое переносное значение, употребляемое в воровской среде: *малина* — воровская шайка, воровская квартира, воровской притон. Переносные значения названия острых и жгучих на вкус плодов тропического растения *перец* в русском языке ‘колкий, язвительный человек’, а также ‘остроумная, ядовитая насмешка, едкое, язвительное остроумие’. *Задать перцу* кому-либо, т.е. ‘нападать, бранить, распекасть’. В тадж. — *мурч хӯрдан* (букв. ‘кормить перцем’, где *мурч* — “перец”) значит ‘обманывать, подводить кого-либо’, а *мурч хӯрдан* (букв. ‘проглотить перец’) имеет два различных переносных значения: 1. быть обманутым, 2. иметь какую-либо неприятность и не показывать вида.

Фито- и зооморфизм может отражать место и значение данного животного или растения в жизни народа, национальные особенности восприятия окружающего мира. Трудно объяснить объективными причинами, почему в русском языке живую, подвижную девочку называют

стрекозой, в литовском — словом *zylė* ‘синица’, а в чешском — *pulec* ‘головастик’, *begunka* ‘божья коровка’, *žaba, žabka* ‘лягушка, лягушонок’. У носителя русского языка слова *жаба* и *лягушка* вызывают неприятные ощущения.

В качестве примера полного несовпадения переносного значения можно привести фитоним *дуб*. Не слишком чуткого, тупого человека, тугодума, со слишком прямым, негибким мышлением, без эмоций, не понимающего и не чувствующего юмора, иронии, называют в русском языке *дуб, дубина*. В немецком языке — *die Eiche* ‘честный, принципиальный человек’, в литовском — *ažuolas* ‘дуб’ имеет переносное значение ‘мудрый человек’, в польском *jak dąb* означает ‘крепкий, здоровый’. В немецком языке *цветок die Blume* имеет необычные переносные значения: 1. пена (на пиве), 2. хвост (охотнич.).

Во многих европейских языках название плода фигового дерева — *фига* — имеет переносное значение ‘кукиш’: в украинском (*фига*), немецком (*die Feige*), литовском и других языках. Польское *figa* ‘фига’ имеет два переносных значения: 1. кукиш, 2. короткие дамские трусы (*figi* — мн. число).

Русское *крапивник* (от *крапива*) — поле, заросшее крапивой; польское *pokrzywnik* (от *pokrzywa* — ‘крапива’) — ‘найденный в крапиве, внебрачный ребенок’, аналогичное значение в чешском языке *korřivník* (от *korřiva* — ‘крапива’).

Почка цветка, нераспустившийся цветок или *бутон* — в русском языке, *der Bouton* в немецком языке имеет переносное значение ‘бриллиантовая серьга, серьга в форме бутона’; устаревшее название бутона в немецком языке *der Pickel* имеет переносное значение ‘прыщик’.

Фитоморфизм отражает своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры. Национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, то есть в национальной специфике образной основы. Это относится и к фразеологическим единицам, образы которых взяты из растительного и животного мира. Образная основа, к примеру, в русском и немецком фразеологизмах может быть одной и той же, но она порождает разные по своим значениям единицы, “так как сами понятия, стоящие за этими образами, получают разную культурно-историческую коннотацию” [11, 135]. В немецком языке образ взрослого зайца ассоциируется с опытным, хорошо знающим свое дело человеком, отличным профессиональным работником (*ein alter Hase*), а в русском языке образ зайца ассоциируется прежде всего с трусливостью. В обеих странах

могут быть известны одни и те же растения, породы деревьев, сельскохозяйственные культуры или животные, так как географическое положение, климатические условия в определенной степени схожи. Но существуют фразеологизмы, содержащие компоненты, отличающиеся национальным своеобразием, такие как Spargel, Hopfen, Schwein, Hase (в нем. языке). В этом случае можно говорить о национальной специфичности подобных фразеологизмов. Отсутствие фразеологизмов в русском языке с аналогичными стержневыми словами также говорит в пользу национальной специфичности данных фразеологизмов. Ведь “между характером фразеологии данного народа и культурно-историческими особенностями его развития устанавливаются отношения односторонней взаимосвязи и взаимообусловленности”, подчеркивал П. И. Ройзензон [9, 136]. Только этим можно, например, объяснить, почему в одном языке много фразеологизмов, связанных с такими понятиями, как кочевая жизнь, юрта, верблюд, верховая езда (например, в монгольском), тогда как для других языков эти особенности нерелевантны или просто отсутствуют (ср. славянские языки). Так одним из типичных для английского ландшафта растений, часто упоминающимся в художественной литературе и превратившимся в английскую природно-научную реалию, является *вереск*. В Болгарии – это *здравец*, национальным символом России стала *береза*. В якутском языке есть пословица *тыала суохха мас хамсаабат* (где *мас* – ‘дерево’), букв. ‘без ветра деревья не качаются’, что соответствует русской пословице *нет дыма без огня*. Другое своеобразное якутское выражение *тиитин мин охтордум, тиинин эн итигэстээтин* (где *тиит* – ‘дерево, лиственница’) ‘загрести жар чужими руками’ (букв. ‘дерево свалил я, а белок с него собрал ты’).

Не встретилось в других языках немецкое выражение *etwas ist, um auf die Bäume zu klettern* ‘лопнуть с досады’ (букв. ‘что-то, отчего на деревья лезут’), польское *na rochyłe drzewo i kozę skaczą* ‘на бедного Макара все шишки валятся’ (букв. ‘на наклонное дерево и коза запрыгнет’). В якутском языке есть выражение о злом и очень упрямом человеке *харыйана танары соспут курдук киһи* букв. ‘человек, подобный ели, которую волокут за макушку’ – это очень неудобно и противоестественно: ветви у ели слегка приподняты кверху, и тащить ель проще за комель.

Назвать неумного, бестолкового человека в русском языке могут *башка еловая, голова еловая*, а в немецком языке это значение связано с соломой от бобов: *dumm, wie Bohnenstroh*; в

турецком – *meşe odunu* в значении ‘дубовая голова’ (где *meşe* – ‘дубовый’); в чешск. – *všude koukol mezi pšenici* (букв. ‘всюду куколь между пшеницы’) в значении ‘в семье не без урода’; в кумыкском – *тутмагъа сантагъы ёкъ авлия* ‘дурак за стебель не схватится’ в значении ‘набитый дурак’; в якутском *мас акаары* (букв. ‘деревянный дурак’, где *мас* – ‘дерево’) в значении ‘круглый дурак’.

Латинское изречение утверждает: *mala herba cito crecscit* ‘сорная трава быстро растет’ в значении ‘дурное с легкостью пробивает себе дорогу’, о том же в немецком *Unkraut vergeht nicht* (букв. ‘сорная трава не пропадет’) в значении ‘худое споро не вырвешь скоро’, а в русском языке пословица предлагает сорную траву удалять: *худая трава из поля вон* – говорится о решимости избавиться от того, кого считают вредным или бесполезным для коллектива, общества, то же в немецком *Unkraut muß man mit der Wurzel ausreißen* ‘худую траву с корнем нужно вырывать’.

Русское выражение *травой поросло* – то же, что ‘быльем поросло’ – ‘окончательно, совсем забыто’. В чешском *kam šlapne, tam sedm let trava neroste* – ‘за что ни возьмется, все испортит’ (букв. ‘куда ступит, там семь лет трава не растет’).

О слишком недоверчивых или очень чутких людях чехи говорят: *slyši travu růst* ‘слышать, как трава растет’; в польском: *piszczy, widzieć (słyszeć) jak trawa rośnie* ‘видеть (слышать), как трава растет’ в значении ‘знать, откуда ветер дует’; в немецком *er hört das Gras wachsen* ‘он слышит, как трава растет’. О сумятице, неразберихе, беспорядке по-немецки говорят: *durcheinander, wie Kraut und Rüben* ‘впережку, как трава и репа’.

Устаревшее выражение *крапивное семя*, включающее в себя фитоним *крапива*, было презрительным прозвищем подъячих и приказных, а затем – чиновников-взяточников. Отражая особенность этого растения (способность кусаться, жечь), в польском языке есть выражение *(u)cieszyć się jak goły (nagi) w rokzrywach* (букв. ‘сесть голым/обнаженным в крапиву’, где *rokrzywa* – ‘крапива’), что означает ‘испытывать (испытать) сомнительное удовольствие’. Перекликается с польским фразеологизм в немецком языке *sich in die Nessel-In setzen (die Nessel – ‘крапива’)* ‘сесть в лужу, попасть в неприятное положение, нажать себе неприятность’ (букв. ‘сесть в крапиву’). О том, что крапива – неприхотливое, сорное растение, в чешском языке есть выражение *mraz kopřivu nespali* (*kopřiva* – ‘крапива’) со значением ‘ему все нипочем, ничего с ним не случится’ (букв. ‘мороз крапиву не спалит’). О стойкости этого

растения есть поговорка в сербском и хорватском *nehe гром у коприве* (букв. 'не бьет гром в крапиву') – эквивалент русскому *не всякий гром бьет, а и бьет, да не про нас*.

Фразеологизм с названием травянистого растения семейства пасленовых *дело – табак* употребляется, когда чье-либо положение, состояние, чьи-либо дела очень плохи. Другой фразеологизм в русском языке с использованием названия этого же фитонима – *ни за понюшку (понюх) табаку* имеет значение 'пропадать, погибать совершенно зря, напрасно'. В немецком языке выражение *das ist ein starker Tabak* (букв. 'это крепкий табак') означает 'это слишком, чересчур', то же в чешском *to je trochu silny tabak* (букв. 'это немного сильный табак') в значении 'это уж слишком'. В польском фитоним *табак* встречается во фразеологизме *jest ciemny jak tabaka w rogu* (букв. 'темно, как табак в роге') в значении 'он ни бельмеса не смыслит' и во фразеологизме *(on) nie wart i niucha tabaki* (букв. 'он не достоин нюхать табак') в значении 'ему грош цена'.

Устаревшее русское выражение *бамбуковое положение*, означающее 'неприятное, затруднительное положение', не встретилось больше ни в одном из сравниваемых языков.

Для приготовления популярного в Германии алкогольного напитка пива необходим *хмель* (нем. *der Hopfen*), распространенный на севере Германии. Пословицы, где отражается его роль в жизни людей – *Hopfen und Malz, Gott erhalt's* 'хмель да ячмень дай бог нам каждый день', *an (bei) j-m ist Hopfen und Malz verloren* 'напрасный труд, пытаться убедить кого-либо в чем-либо или склонить его к чему-либо, кто-либо неисправим' (букв. 'у кого-то пропали и хмель и солод'), *da ist Hopfen und Malz verloren* 'это дело пропащее (безнадёжное), тут ничего не поделаешь' (букв. 'тут пропали и хмель и солод'). В других языках фразеологизмов с этим фитонимом не найдено.

Компонент, необходимый для приготовления пива – *тмин* (нем. *der Kümmel*), являющийся также пряностью, приправой к еде. Зерна тмина малы, и желание расщепить их ассоциируется с ненужным, лишним делом: *Kümmel spalten* (разг.) 'копаться в мелочах, быть педантом' (букв. 'расщеплять тминное зернышко'); *den Kümmel aus dem Käse suchen, den Kümmel aus dem Käse bohren* (разг.) 'быть (настоящим) крохобором' (букв. 'выискивать тмин в сыре'); *einem den Kümmel reiben* 'дать нахлобучку кому-либо, прочесть нотацию кому-либо' (букв. 'кому-то тмин втереть'). Фразеологизмы с фитонимом *тмин* найдены нами только в немецком языке.

До появления картофеля ведущей огородной культурой в быту немцев была *капуста*. В современном немецком языке есть целая группа фразеологизмов со стержневым компонентом *Kohl*, например: *aufgewärmter Kohl* (букв. 'подогретая капуста') 'старая история, старая песня' (разг., пренебр.). *Den alten Kohl wieder aufwärmen* (букв. 'подогревать старую капусту') 'затянуть старую песню, начать все сначала' (разг.). *Das macht den Kohl nicht fett* (букв. 'это не делает капусту жирной') 'это не спасет положения, от этого мало толку' (разг.). *Seinen Kohl bauen* (букв. 'разводить капусту') 'отойти от дел, скромно жить в уединении' (разг.). *Kohl machen* 'делать глупость (или глупости)' (разг.); *Kohl reden* (букв. 'говорить капусту') 'городить (пороть) чепуху' (разг.); *Unser Kohl schmeckt wohl* – соответствует русской пословице 'всяк кулик свое болото хвалит' (букв. 'наша капуста очень вкусная'). Народная пословица гласит: *guter Kohl, schlechtes Heu* (букв. 'хорошая капуста, плохое сено') – для хорошего урожая капусты нужны дожди, но в то же время частые дожди пагубны для сена. Квашеная капуста издревле считалась у немцев целебным средством. По поверью тот, кто съест кислую капусту на новый год, будет весь год здоровым. Когда хотят кому-либо пожелать счастья, говорят: *leb wohl, iß Kohl* (букв. 'живи хорошо, ешь капусту').

Название пряности *перец* мы встречаем в целом ряде фразеологизмов немецкого языка: *das ist starker Pfeffer!* (букв. 'это сильный перец!') 'это уж чересчур, это уж слишком!'. *Da liegt der Hase im Pfeffer* (букв. 'здесь лежит заяц в перце') в значении 'в этом вся беда, вот где собака зарыта'. *Der soll bleiben, wo der Pfeffer wächst* (разг. фамильяр.) 'пусть он держится отсюда подальше! а ну его к черту!' (букв. 'он должен там оставаться, где перец растет'). *J-n hinwünschen, wo der Pfeffer wächst* (разг. фамил.) 'посылать кого-либо куда подальше' (букв. 'туда, где перец растет'); *j-n ins Pfefferland wünschen* (разг. фамил.) 'посылать кого-либо подальше'; *j-n soll dorthin hingehen, wo der Pfeffer wächst* (букв. 'кто-то должен туда идти, где перец растет') 'послать кого-либо к черту на кулички'. Последние четыре фразеологизма содержат намек на то, что перец доставлялся из очень далеких стран.

В польском *wyschnąć na pieprz* (букв. 'сохнуть в перец') 'ссохнуть, стать очень сухим'; *gdzie pieprz rośnie* (букв. 'где перец растет') – русский эквивалент 'куда Макар телят не гонял'. В немецком *das sind gepfefferte Preise* (*der Pfeffer – pfeffern – gepfeffert*) в значении 'цены кусаются, высокие цены' (букв. 'это наперченные цены').

Значение полевой фасоли, бобов в жизни народов Европы было так велико в средние века, что она нередко называется исследователями ‘средневековым картофелем’. Растение фасоли вьется вокруг высокой подпорки, и это послужило основанием для сравнения в немецком языке: *dürr, lang wie eine Bohnenstange* — разг. ‘тощий, длинный как жердь’. Солома фасоли и бобов тверда и прочна, это легло в основу сравнений: *etwas ist hart, zäh wie Bohnenstroh* — ‘быть очень твердым’ (букв. ‘твердый, жесткий как солома бобов’); *grob wie Bohnenstroh* — ‘очень грубый, грубый как извозчик’ (букв. ‘грубый как солома бобов’); *dumm wie Bohnenstroh* — ‘глуп как пробка, дурак дураком’ (букв. ‘глуп как солома бобов’). Русское выражение *разводить бобы* имеет значение ‘заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках’ (первоначально — о гадалках, предсказывающих по бобам). Значение другого русского выражения *остаться на бобах* (*сидеть на бобах*) — ‘обманувшись в расчетах, остаться ни при чем’; *оставить на бобах* — ‘оставить без того, чего добивался кто-либо, на что рассчитывал, оставить ни с чем’.

Фитоним *спаржа* не имеет переносных значений в русском языке, в Германии — это один из любимых овощей (в пищу употребляются длинные белые побеги), в немецком языке есть фразеологизм *den Spargel quer essen können* (букв. ‘суметь съесть спаржу поперек, в длину’) со значениями: 1. иметь очень большой рот, 2. быть хвастуном.

Распространенная огородная культура *петрушка* (нем. *die Petersilie*) оставила свой след во фразеологизмах немецкого языка: *einem die Petersilie verhageln* (разг. ‘насолить кому-либо, испортить удовольствие, отравить радость кому-либо’, букв. ‘побить кому-либо градом петрушкой’). *Petersilie pflücken* ‘оставаться без партнера на танцах’ (букв. ‘рвать петрушку’). *Petersilie auf allen Suppen sein* разг. ‘повсюду успевать, быть повсюду первым’ (букв. ‘быть петрушкой во всех супах’).

В чешском языке крепкого, здорового человека сравнивают со свеклой *zdravý jako řípa* (где *řípa* — ‘свекла’, букв. ‘здоровый, как свекла’); в польском *baba jak rzera* (букв. ‘баба, как репа’, где *rzera* — ‘репа’) в значении ‘ядренная баба’.

Для обозначения сумятицы, неразберихи, беспорядка немцы используют названия двух огородных растений: *durcheinander, wie Kraut und Rüben* ‘вперемежку, как трава и репа’.

Плод некоторых растений, представляющий собой съедобное ядро в крепкой оболочке, скорлупе, называется *орех*. *Крепкий (твердый) орех (орешек)*. В немецком языке

Haselnuß ‘лесной орешник’ — символ жизни. Орех в качестве подарка на Новый год считается знаком любви, а с другой стороны, лесной орех ассоциируется с чем-то маленьким, ничтожным, причем пейоративную оценку во фразеологизме содержит прилагательное: *eine hohle (taube) Nuß* (букв. ‘полый, пустой орех’). Этот фразеологизм имеет два переносных значения: 1. пустяк, безделица, 2. пустой человек. Выражение *etwas ist keine gelöcherter (hohle) Haselnuß wert* (букв. ‘что-то не дороже пустого, полого ореха’) имеет аналог в русском *выеденного яйца не стоит*. *Etwas ist eine harte Nuß* ‘что-то твердый орешек, что-то трудная задача’; польск. *twardy orzech (do zgryzienia)* ‘твердый орех для разгрызания’; литовское *kietas (neikandamas) riešutas (riešutelis)* ‘крепкий (твердый) орех (орешек)’ в переносном значении ‘трудная задача’. Как бы подчеркивая соединение в малом многого, важного, латиняне говорили: *in nucē* ‘в орехе’, то есть сжато, вкратце. Нужно также отметить чешское выражение, не встретившееся в других языках *sedět na boběčku* ‘сидеть на корточках’ (букв. ‘сесть на орешки’), *sednout si na bobček* ‘сесть (присесть) на корточки’ (где *bobček* — ‘орешек’).

Не встретилось в других языках, кроме польского, *nie zasypiać gruszek w popiele* (букв. ‘не засыпать груши в золу/пепел’) в значении ‘не зевать, не терять даром времени, не забывать о деле’ (где *gruszka* — ‘груша’), другое польское выражение *gruzki na wierzbie* означает ‘пустые обещания’ (букв. ‘груши на вербе’). Немецкое *eine weiche Birne haben* — ‘быть слабоумным, недалеким’ (букв. ‘иметь мягкую грушу’).

Сушеные ягоды винограда в русском языке называют *изюм*. *Не фунт изюму* — ‘не пустяк, не шутка’. Однако нем. *große Rosinen im Kopf haben (die Rosine — ‘изюминка’)* — букв. ‘иметь большие изюмины в голове’, т.е. ‘носиться с грандиозными планами’.

О человеке, не имеющем ни малейшего понятия о чем-то, в русском языке есть выражение: *разбираться, как свинья в апельсинах*, с тем же значением в польском *znać się na szumś tyle, co kura (koza) na pierzgu* букв. ‘смыслить в чем-то так мало, как курица (коза) в перце’.

В индийской поэзии прекрасная женщина может сравниться с коровой, т.к. это животное почитается в Индии как очень доброе, нежное и любвеобильное животное. Ласковое название женщины в русском языке — *горlinka, ласточка, касатка*. Польское *dziewczyna (dziewczę) jak malina* ‘пригожая, красивая девушка’ (букв. ‘девушка, как малина’), чешское *divka jako květ* букв. ‘девушка, как цветок’.

Ведущей культурой во всей Северной Германии, где почвы не отличаются плодородием, была *рожь*. Для выращивания *пшеницы* необходима прежде всего хорошая земля, затем нужно было вложить много труда и потому хороший урожай пшеницы считался издавна в народе большой удачей. Это отразилось в пословице *Dankbarkeit und Weizen gedeihen nur auf gutem Boden* букв. 'благодарность и пшеница рожь только на хорошей почве'. Хороший урожай пшеницы был символом материального благополучия: *er hat Weizen feil* букв. 'у него есть пшеница на продажу'. *Den Weizen mit dem Unkraute ausjäten* — 'вместе с ненужным отвергнуть и нужное, переусердствовать, хватить через край' (букв. 'выполоть пшеницу вместе с сорняками').

В каждом языке в основе многих фразеологических единиц лежат слова, обозначающие названия окружающего человека мира: растений, животных, птиц, явлений природы и т.д., поэтому эти фразеологизмы могут многое рассказать о типичных представителях флоры и фауны в той или иной стране. Но в то же время в каждой стране есть свои национальные особенности растительного и животного мира, а также ландшафта, которые находят свое отражение как в лексике языка, так и в устойчивых сочетаниях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. — М.-Л., 1936. — 343 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2-х тт. / Ю. Д. Апресян. — т. Лексическая семантика. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. — 472 с.
3. Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования / И. В. Арнольд — Л., 1966.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Л., 1940.
5. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н. Г. Комлев. — М.: МГУ, 1969.
6. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
7. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Харьков, 1913. — 191 с.
8. Резников Л. О. Понятие и слово / Л. О. Резников. — Л.: ЛГУ, 1958.
9. Ройзензон Л. И. Об одном восточно-славянском тюркизме / Л. И. Ройзензон. — Минск, 1968.
10. Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика / Д. Н. Шмелев. — М.: Просвещение, 1977.
11. Schleicher A. Die Deutsche Sprache / A. Schleicher. — 2. verbesserte und vermehrte Auflage. — Stuttgart, 1869. 340 S.

Рецензент — И. А. Стернин.